

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СССР НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Азаров В.С.

УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», г. Брест

Со времени распада общественной системы так называемого «реального социализма» прошло уже два десятилетия. Тем не менее, до сих пор экономическая теория не дала четкого ответа на вопросы о том, что представляла советская модель экономики, каковы причины возникновения деформаций в системе общественных отношений, сложившихся в СССР в 30-е годы и наложивших свой отпечаток на всё последующее развитие. Без научной оценки и понимания того, что же представляла собой общественная система в экономическом отношении, не только невозможно преодоление ее «родимых пятен», но и крайне затруднено успешное осуществление реформ современного переходного периода в странах бывшего СССР.

Понятие «административная система», на наш взгляд, наиболее полно выражает характерные особенности советской модели экономики накануне Второй мировой войны.

Одним из наиболее распространенных в публикациях предстает мнение, согласно которому административно-приказные методы хозяйственного управления были совершенно необходимым инструментом решения задач ускоренной индустриализации, строжайшей централизации ресурсов и мобилизации для этого экстенсивных источников экономического роста.

Однако то, что какие-либо методы хозяйственного руководства оказались пригодными для достижения определенной цели, ещё не объясняет закономерности их появления. Цель данной статьи в исследовании связи между экономической моделью советского общества 1930-х годов и социально-классовой базой «административной системы».

Экономика СССР в конце 20-х годов была многоукладной при абсолютном преобладании мелкотоварного и полупатриархального земледелия. В реальной действительности насчитывалось несколько миллионов наполовину деклассированных в результате мировой и гражданской войн работников государственных предприятий и более ста миллионов крестьян, вовсе не собиравшихся строить социализм. Исходя из этого, Ленин сделал вывод, что «экономической базы для социализма у нас еще нет» [1, с. 213, 385].

В ленинской концепции строительства социализма в России ставка делалась на то, что необходимые социально-экономические предпосылки, даваемые капиталистическим развитием, можно было достичь не только до, но и в результате социалистической революции. Именно это приводило к выводу о том, что государственный капитализм является шагом вперед по сравнению со сложившимся тогда экономическим строем [2, с. 93–94].

Однако реализация такого подхода оказалась делом не только непростым, но и весьма проблематичным. Ленин считал главной опасностью ориентацию на капиталистическое перерождение Советской власти, которая заключалась в нэпе, хотя по всей видимости, ошибался, поскольку главная опасность возникла с другой стороны. Бюрократическая деформация Советской власти стала благодатной почвой для бюрократического произвола, создавала возможность отрыва политической власти от рабочего класса. Ускоренно миновать переход от мелкого производства через госкапитализм к социализму оказалось не осуществимым.

Трагедия социалистического строительства в СССР заключалась в том, что целостная система социалистических общественных отношений не могла быть создана без реализации концепции движения к социализму через государственный капитализм.

Внутренний кризис нэпа, связанный с необходимостью резкого повышения удельного веса промышленности, а вместе с этим и роста хлебозаготовок при сокращении численности сельского населения, вылился в «административную систему». Реакция на экономические противоречия нэпа, связанные с расширением частного капитала и его попытками влиять на государственную власть, оказалась основанной не столько на борьбе за экономическое укрепление и совершенствование соцсектора, сколько на «административном» зажиме капитала. Успехи социалистического сектора оценивались не по более эффективной его работе по сравнению с предприятиями госкапитализма, а по вытеснению капиталистического уклада. Победила установка «доконать» капитализм – если не национализацией, то другими рычагами, которыми располагало пролетарское государство. В ход пошли сверхвысокие налоги, разорительные тарифы и т.д.

К этому следует добавить и то, что сам социалистический сектор сохранил в своей структуре определенные элементы госкапитализма. В этом секторе находились, прежде всего, крупнейшие предприятия, составлявшие ранее фундамент монополистического капитализма. Они объективно могли быть использованы для монополистических приемов борьбы со своими капиталистическими конкурентами. Сохранились также в общественном разделении труда и в организационно-экономической структуре производства черты монополизма крупнейших производственных звеньев. Всё это также определило прочность экономической базы бюрократии, обособления хозяйственников, замыкания их на своих узкогрупповых интересах.

«Административная система» законсервировала явления бюрократизма и монополизма, свойственные государственно-капиталистическому хозяйствованию, оттеснив трудящихся от участия в управлении производством и закрепив монополизм административными привилегиями, т.е. она оказалась обременённой многими элементами, от которых нельзя было освободиться без прохождения через государственный капитализм, без экономического изживания этого уклада. Для формирования и усиления «административной системы» оказалась и более широкой социальной база. За время первых пятилеток первоначальное ядро рабочего класса было существенно разбавлено массовым притоком в города выходцев из крестьян. Такой «рабочий класс» вполне соответствовал командно-приказным методам в управлении промышленностью.

«Административная система» использовала мощнейшие рычаги в стремлении обойти экономические законы. Определяющее значение имеет ликвидация частной собственности и предпринимательства, создание на их месте всеохватывающей государственной собственности, потребовавшей огромного бюрократического аппарата управления и планирования. Огосударствление сопровождалось обезличиванием собственности и созданием атмосферы всеобщей объективной незаинтересованности.

В результате утверждения централизованного планирования как важнейшего инструмента «административной системы», в СССР, впервые в мировой практике государство стало непосредственным организатором и руководителем производства. Рынок стал ненужным и был заменен планом. Однако возможности всеобщего планирования и учета объективно не были безграничны. Это становилось всё более очевидным по мере расширения масштабов производства и номенклатуры выпускаемой продукции.

Органической частью планирования являлась фетишизация экономического роста. С тем чтобы обеспечить его высокие темпы, приоритет отдаётся не потреблению населения, а накоплению, повышению доли накопления в национальном доходе, развитию средств производства тяжелой промышленности.

С 1934 года бюджетные ассигнования в тяжелую индустрию и в первую очередь в оборонные предприятия росли год от года. За вторую пятилетку военная промышленность почти утроила объем выпускаемой продукции, т.е. росла быстрее любой другой отрасли [5, с. 609–610]. В 1936 году была введена новая система оптовых цен, более высоких для тяжелой индустрии, с тем чтобы сделать ее целиком рентабельной и, таким образом, более активно участвующей в процессе накопления. Но в 1938 году эта группа отраслей в целом снова попала в число убыточных и смогла добиться бездефицитного баланса на протяжении последующих двух лет лишь по увеличению цен на свою продукцию. Несравненно более важным источником накопления оставался «налог с оборота», начислявшийся в основном на цены сельскохозяйственных продуктов и изделий легкой промышленности.

Именно по такой модели действовала советская экономика в предвоенный период. Количественные показатели промышленного производства в этой модели обладали безусловным приоритетом. Понятие планирования расширилось до того, что стало включать в себя не только составление перспективных программ, но и элементы текущего управления. Планом, иначе говоря, стала не только пятилетка, но и та совокупность заданий, которые получало на протяжении года каждое предприятие. Сам пятилетний план изменялся на протяжении его осуществления с тем, чтобы обеспечить выполнение «ударных задач», т.е. экстренных или непредусмотренных заданий, внезапно приобретающих первоочередной характер. Самостоятельность предприятий была минимальной: сверху им устанавливались не только те или иные производственные задания с заранее указанными поставщиками и клиентами, но также показатели по отдельным аспектам их деятельности (штаты, зарплата, себестоимость и т.д.), нередко охватывавшие самые мелкие детали.

Искусственное стимулирование темпов экономического роста, всемерное наращивание капиталовложений в тяжелой промышленности повлек за собой важный в те годы нарастания международной напряженности результат: были созданы условия для значительного роста военной мощи СССР.

Но какова была цена такого «достижения»? При ответе на этот вопрос невозможно абстрагироваться от массовых репрессий, от системы ГУЛАГ, массового применения в экономике фактически рабского, бесплатного труда, а также фальсификации статистической отчетности. Насилие со стороны государства носило всеобъемлющий характер, являлось основой руководства как в политической, так и в экономической областях. Одним только страхом трудно было бы объяснить массовый энтузиазм строителей социализма, нещадно эксплуатировавшийся правящими кругами. Тем не менее, именно насилие играло главную роль в обществе. Показательно, что формирование советской административной модели экономики происходило одновременно с насаждением обстановки нетерпимости к инакомыслию, забвением общечеловеческих моральных принципов. Именно в обстановке небывалых репрессий формируются индустриализация и «сплошная коллективизация».

Коллективизация была завершена во второй половине 1930-х годов. Для СССР это было не менее важным фактором, чем создание крупной тяжелой промышленности. Однако результаты его, в силу средств и методов, примененных для их достижения, были отнюдь не положительными. Отставание сельского хозяйства от промышленности, которое уже в 1928–1929 годах признавалось чрезмерным, за это время лишь усилилось. Запланированный на вторую и третью пятилетки прирост производства сельскохозяйственной продукции остался полностью неосуществимым.

Но по одному пункту коллективизация всё же изменила экономическую ситуацию в СССР. В производстве сельскохозяйственной продукции, даже не обнаружившей роста, принимало участие теперь меньше работников, а объем продукции, предназначенной для потребления за пределами деревни, увеличился. Рост этот был настолько значительным, как считают историки, что если в 1920-е годы каждый сельский труженик кормил, помимо самого себя, только одного человека, то накануне войны он кормил уже четырех своих сограждан [4, с. 334].

Колхозная продукция не продавалась по эквивалентным ценам, а силою власти поступала в государственные закрома по различным каналам, наиболее важными среди которых были обязательные поставки и натурплата МТС. Низкие заготовительные цены были той данью, которую село платило политике индустриализации. Цены служили инструментом перераспределения национального дохода в пользу промышленности. Размеры поставок устанавливались на базе так называемого биологического урожая, т.е. по оценке урожая до начала жатвы. У колхозов не было никакой заинтересованности в увеличении производства продукции. Районные власти указывали им, сколько гектаров и какими культурами они должны засеять, и колхозы обязаны были исполнять это.

Если в первую пятилетку сельское хозяйство представляло собой относительно скромный источник для накопления, то начиная со второй пятилетки его вклад приобрёл решающее значение. Налог с оборота становится главной статьёй доходов государства – той, которая впитала большую часть капиталовложений. В значительной мере поступления от этого налога обеспечивались сельхозпродуктами. Центнер пшеничной муки продавался населению по цене 216 руб., а колхозу оплачивался по цене 10 руб. 10 коп.; 195 руб. 50 коп. изымались в форме налога. Килограмм говядины, за который производителю выплачивалось от 21 до 55 коп., поступал в розничную продажу по цене 7 руб. 60 коп.; за литр молока соответственно 9-14 коп. и 1-1,5 руб. [3, с. 20].

Подобные жертвы диктовались, по-видимому, потребностями индустриализации. Расчёт, однако, был иллюзорным, ибо низкие заготовительные цены тормозили сельскохозяйственное производство и, тем самым, препятствовали расширенному накоплению.

Советская модель хозяйствования обладала высокой политической эффективностью и позволяла правящим кругам решать задачи сохранения режима тоталитарной власти. Она была примером экстенсивного экономического роста и необычайно высокого уровня потребления ресурсов. И только огромные природные богатства спасали до поры до времени «административную систему» от краха.

Модель могла обеспечивать высокие темпы экстенсивного экономического роста лишь в обстановке тоталитарной власти и жестокого централизованного принуждения. Изменение такой обстановки во многом способствовало падению темпов экономического роста. Именно административная модель хозяйствования и централизованное планирование адекватно соответствовали характеру тоталитарного режима.

Следует отметить, что созданная в СССР «административная модель» экономики не была абсолютной. Трудящиеся в предвоенные годы проявляли свою способность к массовому социально-экономическому энтузиазму, творческой энергии. Именно этот потенциал определил в конечном счёте победу советского народа в Великой Отечественной войне, непрочность системы, которая позднее «умерла естественной смертью».

Список цитированных источников и литературы

1. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин, т. 43.
2. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин, т. 45.
3. История СССР. – 1964, № 5.
4. Советское крестьянство / Краткий очерк истории 1917-1970 гг. ; под ред. В.П. Данилова. – М., 1973.
5. Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933-1940 гг. – М., 1963.